

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ МУЗЫКИ ИМЕНИ ГНЕСИНЫХ
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД ФРИДРИХА ЛИПСА

ИСТОРИЯ И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА РОССИЙСКОГО КАЗАЧЕСТВА

*Материалы
Всероссийской научно-практической конференции
(Москва, 18–20 октября 2024 года)*

В рамках федерального проекта
«Поддержка творческих проектов
в сфере казачьей культуры»

ФОНД
ФРИДРИХА ЛИПСА

THE FRIDRICH LIPS
FOUNDATION

Москва
2024

УДК 398.81+398.87
ББК 85.31+63.521(=411)
И 90

Редакторы-составители:

Л. М. Белогурова,
кандидат искусствоведения, доцент
И. А. Никитина

Рецензенты

Н. М. Савельева,
доктор искусствоведения, профессор
Т. И. Науменко,
доктор искусствоведения, профессор

*Проведение конференции и издание материалов осуществлено
в рамках федерального проекта «Поддержка творческих проектов
в сфере казачьей культуры»*

И 90 История и традиционная культура российского казачества:
Материалы Всероссийской научно-практической конференции
(Москва, 18–20 октября 2024 года) / сост. Л. М. Белогурова,
И. А. Никитина; Благотворительный фонд Фридриха Липса. — М.:
Российская академия музыки имени Гнесиных, 2024. — 204 с.

ISBN 978-5-8269-0353-7

Сборник содержит материалы докладов Всероссийской научно-практической конференции, организованной Российской академией музыки имени Гнесиных и Благотворительным фондом Фридриха Липса в рамках федерального проекта «Поддержка творческих проектов в сфере казачьей культуры». Научные статьи подготовлены исследователями различных гуманитарных наук — историками, этнографами, искусствоведами, этномузыкологами, а также педагогами, деятелями искусства и культуры, представляющими образовательные организации и учреждения культуры России. В них рассматриваются актуальные проблемы изучения истории и культуры различных региональных групп российского казачества, поднимаются вопросы сохранения и актуализации их этнокультурного наследия, введения его в образовательный процесс и художественную практику. Издание адресовано специалистам в области истории и культуры казачества, этномузыкологам, педагогам творческих учебных заведений.

© Благотворительный фонд
Фридриха Липса, 2024

ISBN 978-5-8269-0353-7

© Коллектив авторов, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей 7

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ И ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ КАЗАЧЕСТВА

- Т. К. Чайкин*
Духовная составляющая казачьей культуры 13
- О. В. Ратушняк, Т. В. Ратушняк*
Культура казачьего зарубежья (1920–1930-е гг.) 18
- А. Ю. Патошина*
Некоторые вопросы сохранения традиционной культуры
казаками-эмигрантами первой волны 28
- О. В. Матвеев*
Некоторые аспекты семейной повседневности
астраханского казачества (вторая половина XIX —
начало XX вв.) 36
- В. М. Грязнова*
Старообрядцы казаки-некрасовцы
Ставропольского края:
специфика языковой картины мира 47
- В. Н. Кальниченко*
Нематериальные объекты культурного наследия
казачьего населения на территории Нижнего Дона:
сохранение и воспроизведение традиций 58
- В. А. Шилкин*
Технология изготовления свадебного каравая
и его обрядовые функции у низовых казаков 70
- Н. С. Кузнецова*
Казаки-черкасы на белгородской земле:
историко-культурные аспекты формирования
фольклорной традиции 81
- С. А. Жиганова*
Воинские песни кубанских казаков:
вопросы жанровой интерпретации 89

<i>К. А. Крылов</i> Свадебный музыкальный фольклор оренбургских казаков в публикациях и исследованиях.	101
<i>В. И. Бодрова</i> Певческое искусство казаков с. Тулата Чарышского района Алтайского края	114
<i>О. И. Балуни</i> Фольклорный инструментарий линейных казаков Отрадненского района Краснодарского края	123
<i>С. С. Демченко</i> Роль современных литераторов-казаков в сохранении и развитии традиционной казахской культуры.	130
<i>Н. С. Матвеева</i> Периодическая печать казахских обществ и иных объединений казаков как исторический источник	141

АКТУАЛИЗАЦИЯ СОДЕРЖАНИЯ ФГОС В ОБЛАСТИ ИЗУЧЕНИЯ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОГО КАЗАЧЕСТВА

<i>О. А. Перенишко</i> Обучение педагогов с углубленной специализацией по истории и культуре казахства в Кубанском государственном университете как часть системы непрерывного казахского образования на Кубани.	155
<i>М. В. Медведева</i> К вопросу о введении профессиональной компетенции по освоению казахской певческой культуры во ФГОС по направлению подготовки «Искусство народного пения»	169
<i>Д. В. Морозов</i> Изучение и освоение казахского музыкального фольклора: образовательный аспект	178

<i>С. Ю. Белова</i>	
Освоение казачьего фольклора в практике работы с народно-певческим коллективом	184
<i>Ю. П. Наумкин</i>	
Теоретическое и практическое освоение песенного наследия казаков-нагайбаков студентами кафедры хорового и сольного народного пения Российской академии музыки имени Гнесиных.	194
<i>Сведения об авторах.</i>	202

В. Н. Кальниченко

НЕМАТЕРИАЛЬНЫЕ ОБЪЕКТЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КАЗАЧЬЕГО НАСЕЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ НИЖНЕГО ДОНА: СОХРАНЕНИЕ И ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ ТРАДИЦИЙ

Аннотация. В данной публикации рассмотрена проблема сохранения нематериального культурного наследия на примере казачьих традиций Нижнего Дона. Накопленный научным сообществом теоретический и эмпирический опыт позволяет в настоящее время выявить потенциальные объекты нематериального культурного наследия (ОНКН), определить их локализацию и степень трансформации. Автор рассказывает о формах и методах работы Раздорского этнографического музея-заповедника по сохранению и воспроизведению казачьих традиций сельского населения.

Ключевые слова: нематериальные объекты культурного наследия, респондент, сохранение, воспроизведение традиций, казачье население, Нижний Дон

В настоящее время мы наблюдаем небывалый интерес к сохранению нематериального культурного наследия. Изменение общественно-политической ситуации в стране ставит перед учреждениями культуры новые задачи. На сегодняшний день тема нематериального культурного наследия зафиксирована в государственной правовой документации.

В Федеральном законе Российской Федерации № 402 «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» представлены основные определения объектов нематериального культурного наследия, правовые особенности объектов, категории объектов, права носителей этнокультурного достояния и т. д.

В законе дано следующее определение нематериального культурного наследия народов Российской Федерации. Это «совокупность присущих этническим общностям Российской Федерации духовно-нравственных и культурных ценностей, передаваемых из поколения в поколение, формирующих у них чувство осознания идентичности и охватывающих образ жизни, традиции и формы их выражения, а также воссоздание и современные тенденции развития данного образа жизни, традиций и форм их выражения» [5].

В публикации Ю. В. Кирюшиной «Нематериальное культурное наследие — актуальное понятие современности» предлагаются несколько путей для сохранения духовного культурного наследия. «Первый путь — для театрализованного стиля, с постоянным сюжетом, основанным на письменном тексте» [3, с. 246]. Автор отмечает, что необходимо использовать письменный текст в полном соответствии со сложившейся традицией (манерой исполнения) и сформировать поколение исполнителей. Второй путь сохранения — непосредственный контакт носителя со слушателем. В публикации Т. С. Кирьяновой «Сохранение нематериального культурного наследия: опыт национальных Республик Южной Сибири» показаны формы фиксации и сохранения нематериального культурного наследия [2]. Автор обращается к опыту Национального музея Республики Тыва им. Алдан-Маадыр, где реконструирован археологический памятник «Аржаан-2». Пример примечателен тем, что в раскопе кургана было найдено более 20 кг золота. Предметом нематериального культурного наследия стали орнаменты золотых изделий. По мнению автора, с помощью них можно реконструировать «элементы нематериального культурного наследия — миф, обряд, технологию» [2, с. 115].

В настоящее время остается актуальной проблема сохранения объектов нематериального культурного наследия. Научным и музейным сообществом предлагается методика их изучения. При этом проблема фиксации и воспроизведения объектов нематериального культурного наследия (ОНКН) остается неизученной. Сегодня в реестр таких памятников внесено 169 объектов, в том числе семь — в Южном федеральном округе, два из них — в Ростовской области.

Свою лепту в выявление ОНКН, сохранение и воспроизведение традиций вносит Раздорский этнографический музей-заповедник. Одним из основных видов его деятельности является организация палеонтологических, археологических, этнографических и других научных экспедиций [4, с. 4]. Территориальные границы сбора устного материала определяются границами Нижнего Дона (часть Ростовской области): верхняя — Цимлянский район, нижняя — Азовский. Необходимо подчеркнуть, что указанные географические ориентиры устанавливаются этнографической тождественностью зафиксированных практик, не исключая уникальные локальные черты и неповторимые местные характеристики.

Некоторые положения теоретико-методологических основ экспедиционной деятельности музея. Перед отправлением в поле определяются цель и задачи будущего опроса и его локализация. Практика полевых выходов выражается в первичном обследовании местности, выявлении в конкретной локации потенциальных респондентов, получении информации о них (ФИО, год рождения, генеалогический обзор, место рождения и проживания). Следующий этап работы — устный опрос, который включает фото-видео-аудио фиксацию (по согласованию с респондентом). Важно отметить, что не всегда респондент готов сообщить интервьюеру свою фамилию, при том что достаточно откровенно и подробно (насколько сам осведомлен) транслирует информацию о своих родителях и близких. Конечно, подобная ситуация крайне редка, но все же встречается. На завершающем этапе полученный материал архивируется на электронном носителе (компьютер, флешка, выносной диск). После этого научные сотрудники транскрибируют текст в соответствии с нормами русского языка, полностью воспроизводя интервью, со всеми деталями речи респондента. В настоящее время в фондах музея накоплен значительный объем устных материалов.

Что происходит дальше? После обработки полученных данных материал классифицируется и используется следующим образом. В качестве «оживления» информации устный исторический нарратив задействуется в экспозиционно-выставочной (экскурсии) и научно-исследовательской деятельности (публикация в научных журналах и на официальных ресурсах музея-заповедника).

Основными в ходе опроса являются тема голода 1921 года, коллективизации и раскулачивания (1929–1931 гг.), тыловая повседневность взрослых и детей в годы Великой Отечественной войны, период оккупации, взаимоотношения с оккупационной властью, послевоенная социальная политика на местах, а также практика сохранения религиозности и воспитательные аспекты.

Второй важный корпус интервью связан с этнографическими темами. Прежде всего, это календарный цикл; обряды и их функции; традиционная свадьба, ее этапы, элементы одежды и их значение; место религии в жизни населения, религиозная символика; праздничная культура; похоронно-поминальные практики и связанные с ними атрибуты; демонология, представление о загробной жизни; мифы и легенды, фольклор. Данные этнографии скрупулезно верифицируются в сопоставлении с научной литературой. Сложность

заключается в том, что большинство публикаций представляет обрывочные сведения, зачастую не существует полного описания того или иного этнографического явления. Материал, полученный методом интервью, позволяет уточнить и восполнить недостающую информацию.

Следующая форма работы — написание сценария интерактивных этнографических программ и лекционного материала. Сформированные программы и лекции предлагаются участникам методического совета к обсуждению, уточнению и включению их в число услуг, оказываемых в учреждении. Наконец, проведение мероприятий с посетителями музея-заповедника. В настоящее время проводятся следующие программы: «Рождество в станице Раздорской», «Щедрования», «Жаворонков закликаем — весну встречаем», «Троица», «Донская казачья свадьба». Нельзя не упомянуть мастер-класс «Изготовление казачьей катламы».

В этот список вошел далеко не весь объем выявленного в ходе полевых исследований материала, но, к большому разочарованию, некоторые из выявленных практик постепенно становятся лишь нарративным материалом. Также следует понимать, что полученный материал иногда настолько специфичен, неоднозначен, что может даже отпугивать посетителя. Некоторые практики («катание яиц» на Пасху, похоронно-поминальная культура, религиозные обряды) не воспроизводимы в условиях учреждений культуры, однако, на наш взгляд, могут осуществляться в кругу семьи.

Очевидно, что только совместная деятельность учреждений культуры, образования и науки, общественных организаций и муниципальных органов власти позволит масштабнее представить проблему потенциальной утраты объектов нематериального культурного наследия, найти способы ее решения и выработать стратегию действий по предотвращению негативного сценария. Выразаться это может не только в привлечении волонтеров к сбору устного материала, но и в посещении подрастающим поколением учреждений, где осуществляется практика воспроизведения традиционной культуры. Актуальной представляется также проблема трансформации традиционной культуры, когда происходит ее замещение новыми обрядами, определениями и смыслами.

Необходимо сказать о тех нижнедонских обрядовых практиках, которые при определенных условиях могут быть включены в реестр объектов нематериального культурного наследия. Таковы

календарные обряды с религиозной символикой, совершавшиеся в Пасху, Крещение, на Троицу. «Катание яиц» на Пасху представляет следующую последовательность действий. Сваренное в скорлупе от лука куриное яйцо берут с собой на кладбище, посещая умерших родственников. Подходя к могиле (холмику, плите), перекрещивались, брали яйцо и крестообразно — сверху вниз и слева направо — трижды прокатывали его по могиле, трижды говоря при этом «Христос Воскресе! — Воистину Воскресе!» В одних случаях оставляли эти яйца на могилке, в других — раздавали детям на помин. В настоящее время данная практика практически утрачена, осталась лишь забава — битва пасхальными яйцами. Данная игра представляла удар яйцами друг о друга: чье яйцо разбилось — то яйцо победитель забирал себе. Неоднократно мы фиксировали, как эти яйца заливали свинцом для большего успеха [16–17]. В то же время, респонденты сообщали, что кроме утяжеления никаких преимуществ оно не давало, да и общественного поощрения оно тоже не имело.

Накануне праздника Крещения Господня (Богоявления), в ночь (18 января) мелом или известкой наносили изображение креста на жилища (дом, летнюю кухню, подвал и хозяйственные помещения). На Троицу, кроме украшения зеленью и чабрецом церкви, посещали богослужения (в случае наличия храма в населенном пункте или неподалеку), повсеместно молодые незамужние девушки изготавливали «троичные венки» и ходили с ними «на воду» — отправлять. Конечно, «отправление» этих венков имело и символическое значение — с помощью них выявлялось, выйдут девушки замуж или нет. Необходимым атрибутом данного праздника было приготовление яичницы из нескольких яиц [12; 13].

Следует оговориться, что активный государственный курс, вытесняющий религиозные практики из общественного (корпоративного) в семейно-личный формат, привел к значительной утрате населением Нижнего Дона прежних форм религиозности. Однако наличие в семье религиозного авторитета, соблюдение им религиозных основ (пост, молитвенное правило), местных традиций (употребление яиц только на Пасху) [6] позволяет говорить не только о традиционном казачьем воспитании, но и о практике сохранения и передаче религиозных доминант младшему поколению. Например, респондент из хут. Мостовского Семикаракорского района сообщила, как тетя учила ее молитве «Отче наш». Если она ускорялась

во время чтения или запнулась, то на несколько часов ее ставили на горох (на колени) [6].

Другие практики календарного цикла — колядования, христославения, «щедровки / посевания» и гадания. Например, известно, что накануне Рождества, в сочельник взрослые, переодевшись, ходили по родственникам и колядовали. Несмотря на увеселительные вечерние мероприятия, все же главной идеей этого дня было строгое соблюдение поста («не ели и не пили до первой звезды») и ужин. Несомненно, ключевым атрибутом были блюда из пшеницы. Но уже утром следующего дня (в 4–5 утра) дети стучали в окошки для христославения. Постучавшись (при наличии света), после приветствия гости заходят в залу (центральную комнату), хозяева им уже приготовили подушки, на которые они вставали на колени и пели «Рождество Твое Христе Боже наш...». После исполнения тропаря участники обходов поздравляли хозяев со светлым праздником, а те одаривали их натуральными продуктами или деньгами. Для этого у гостей были приготовлены сумы (из мешковины). Далее они отправлялись по другим дворам (чаще всего к родственникам). Здесь следует отметить, что процесс трансформации проник и в данную практику. Например, мы выявили, что практика «христославения» в дореволюционной вариации (пение тропаря и кондака празднику Рождества Христова, религиозная коллективная инсценировка перед богослужением) преломилась в новом социокультурном пространстве советского периода. Большинство опрошенных респондентов воспроизводят последовательность действий данного обряда, сообщают о поздравлениях детьми хозяев, при этом содержательная ее составляющая практически была утеряна. Однако некоторые элементы и атрибуты сохранялись: подушки, на которые дети становились и исполняли церковные гимны (только тропарь), «мешки» для наполнения их «дарами» от хозяев. Участие девушек не приветствовалось: «Если первые ребята приходят, то это к счастью. А нас не хотели» [8].

Накануне Нового года, вечером 13 января, «ходят щедруют». Нередко упоминают, что щедровщики уносили со двора одежду и оставляли ее в других дворах, а также «уводили скот и снимали калитки» [12]. В обряде посевания, который совершался 14 января, примечательно то, что взрослые старались рассыпать пшеницу во все труднодоступные места. Неоднократно респондентами от-

мечалось, как гости высыпали «большой мешок» пшеницы прямо в центре зала, а уже после рассыпали зерно по углам. Не последнее место в данном обряде занимала «кума». Близкие отношения ее с родителями крестника, посещение ею их дома для участия в посевании практически всегда сопровождалось яркой театрализованной инсценировкой.

Святочные гадания со временем претерпели значительные изменения. В настоящее время они утратили ритуальное содержание. Так, девушки накануне «святочных гаданий» брали небольшие листочки, на них писали мужские имена и клали под подушку, а утром вытягивали одну записку, которая и должна предвозвестить девице имя суженого [12].

Представляется важным обратить внимание на традиционные блюда и способ их приготовления казачьим населением Нижнего Дона. Если «катламы», пышки с каймаком или медом, а также «круглик» (с вареньем или с мясом) являются достаточно распространенным явлением в сельской местности и сегодня, то вареники с виноградом, раковыми шейками являются уже историческим нарративом. Несколько слов стоит сказать об изготовлении каймака. В металлическую кастрюлю заливают коровье молоко, доводят до кипения («жирность молока калмыцких коров может достигать до 6 %»), после чего оно должно отстоять ночь, а на утро собирают пенку (это и есть каймак). В настоящее же время чаще всего приобретают молоко в магазине. Большая степень сохранности у казачьей «окрошки». По мнению большинства респондентов, она должна включать следующие ингредиенты: воду, картошку, лук зеленый, укроп, кислое молоко или квас, сметану или каймак, балык (подкопченная рыба) [11–14].

Важное место в картине мира сельского населения занимает демонология. Более того, связь демонологии и народной религиозности сформировала уникальный пласт религиозной культуры казаков Нижнего Дона. Наши респонденты неоднократно сообщали о появлении домового и его попытках удушить человека. В этот момент необходимо было прочесть молитву «Отче наш», после чего данное существо оставляло хозяина дома в покое [6; 12].

Самостоятельный пласт народной культуры составляет похоронно-погребальная обрядность сельского населения. В настоящее время общие и уникальные ее черты претерпевают серьезную трансформацию, а в некоторых случаях происходит полная утрата

обрядовых атрибутов и символов. Ранее нами предпринималась попытка показать эти изменения у православного и старообрядческого населения в советский и постсоветский период [см.: 1]. Рассмотрим отдельные аспекты похоронного ритуала.

Предчувствие смерти и наличие внешних проявлений, сообщающих о скоротечности человеческого бытия (уходе в иной мир). Респондент из хутора Мостовского сообщает о следующих характерных явлениях: «Мы вот так, деду помереть, да? Летает вот такая зеленая муха (показывает размер — примерно 3 см. — В. К.) и жу-жить, как жук, а потом две, три и десяток. Побыли, это ж мы предвещает, что смерть скоро. И улетают, уничтожаются. <...> А уже брат мой помер, тоже предвещало, какая-то смерть идет. Мухи тоже были» [6]. А. И. Павлова из хут. Исаевский говорила также, что предвестником смерти является вой собаки [15]. Все меньше респондентов говорят о смерти как об уходе из этого мира «домой» или желании умирающего перед смертью лечь на пол. Подобный случай нам удалось записать в хут. Маломечетном. Ю. В. Кальниченко рассказывает о смерти своей бабушки (Шабановой Дарьи Ефимовны): «Кричала: кладите меня на пол. Так она покричала-покричала, к утру и умерла» [11].

Несколько респондентов сообщили о необходимости использования монет в похоронных обрядах. В одних случаях «пятаки» клали на глаза, чтоб закрыть их покойнику (г. Семикаракорск, хут. Больше-Кузнецовский), в других — клали деньги в правый карман [6] или непосредственно в гроб [11]. Немаловажным атрибутом и в то же время элементом подготовки к смерти был сбор волос для погребальной подушки. Так, А. Я. Забазнова сообщает, что еще с детства она слышала о том, что нужно собирать волосы: «Та волосы там вылазят, [их] в подушку, на подушку всё это...» [8]. Однако постепенно данная традиция утрачивает свою силу, видоизменяется. Практически повсеместно погребальную подушку набивали древесной стружкой (как мужчинам, так и женщинам), в некоторых случаях — волосами, сухой травой [10] или мелко нарезанными тряпками [6].

Важное место в процессе подготовки к будущей смерти занимало приготовление «смертной» одежды или погребального набора («узелка»). По сведениям жительницы хут. Мостовского, «одежда лежит 50 лет» [6]. «Узелок» хранили в сундуке либо в шифоньере. Например, в г. Семикаракорске, хуторах Мостовском

и Больше-Кузнецовском женщин принято было одевать «в юбку и кохту, как хоронили. <...> Раньше хоронили вот тётку в Кузнецовки у церкви и там хутор у нас, юбка и кохта была, шоб ни платьев, ни рубахи никакой, нищего» [6]. В ст. Раздорской отмечается другой набор одежды — «платье, платок, чулки, тапочки, чувяки, как они их называли» [7]. По сведениям Ю. В. Кальниченко, покойника нужно было одеть «в что не ношенное. Купил, значит надо одевать». Респондент добавляет, что бывает стыдно, если покойника оденут в старые вещи или, в крайнем случае, нужно было их постирать [11]. А. Я. Забазнова отметила, что «нельзя в одежде хоронить строченной, сшитой, а на живую нитку надо. Вот так. И вот это, твоя прабабушка (Е. Н. Капканова — В. К.), Ларисы Васильевны мать, она сама себе тапочки сшила, погребальные. Никакую обувь надевать не надо, а шить надо с какой-нибудь толстой ткани себе башмачки» [8]. В хут. Коньгин принято было хранить в узелке «тапочки там какие-нибудь, туфельки чи тапочки. Чулки обязательно. Ну, одежда же. В чем же мы маму хоронили. Как же, говорить, на замужних хоронять, а не замужних... Че-то забыла, ребята. Кого-то хоронят в юбке с кофтой, кого-то в платье. Платочек же обязательно, на головку. Ну ночная — рубашки, рубашки ночные шили раньше. Мамочку мы хоронили, сестра сшила ей рубашку. Она любила выбитые тут раньше, косыночки вот ей повязали, косыночку» [12]. В. А. Извощикова рассказывала о смертной одежде своих родителей: «Отец там и что, полностью так и одевались. Как говорится. Мы ей одели, маме, рубашку. Нижнюю рубашку, как говорится, всё. Вот это. Нижнее всё бельё. Чулки, всё это одели. И потом, значить, платок, вот это. Повясочку эту» [10].

Стоит также сказать, что наличие надгробного камня на могиле не являлось маркером принадлежности к старообрядчеству, скорее, оно определяло местную традицию. Наличие на могиле надгробного камня, креста или его отсутствие создавали поле интерпретаций. При этом границы толкований определялись локальным опытом и мышлением. Так, В. А. Извощикова сообщала, что камень является неким сигналом для Ангела Хранителя, который «к этой душе приходит». По рассказам респондента, подобные камни подвергались окрашиванию в «голубенький, или там зелененький, или даже беленький, какой вот тебе, оградку там, и его украсишь» [10].

По мнению респондента, окрашивание камня необходимо было с практической точки зрения: «Когда придешь в 10 лет раз, вот, да хоть он крашенный, и вот он как-то все равно себе засыпается, но все равно он может его найти, этот камушек» [10]. По мнению Ю. В. Кальниченко, камень нужен был покойнику, чтобы на него встать и идти к небу [11].

Таким образом, в настоящее время проблема нематериального культурного наследия приобретает еще большую актуальность. Выявление объектов нематериального культурного наследия возможно при содействии органов государственной власти, учреждений культуры, а также общественных объединений. Обращение к традиционной культуре вызвано не только ее актуализацией в новой социокультурной действительности, но и ее катастрофическим положением. Традиционная культура казачьего населения стала приобретать новые смыслы, обряды и практики, совершенно ей несвойственные. Нельзя не отметить, что традиционная культура сельского населения Нижнего Дона, с одной стороны, трансформируется, с другой — постепенно утрачивает способность воспроизводиться. Однако опыт Раздорского этнографического музея-заповедника в сфере сбора и сохранения традиционной культуры казачьего населения показывает возможность воспроизведения и популяризации ее форм в современном музейном пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кальниченко В. Н. Погребальные практики старообрядцев Дона в советский и постсоветский период // Изучение и сохранение исторических некрополей: материалы II Региональной научно-практической конференции / отв. ред. В. А. Агеева. Ростов н/Д: Издат.-полиграф. комплекс РГУЭ (РИНХ), 2023. С. 240–245.
2. Кирьянова Т. С. Сохранение нематериального культурного наследия: опыт национальных Республик Южной Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 391. С. 113–117.
3. Кирюшина Ю. В. Нематериальное культурное наследие — актуальное понятие современности // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 2–1 (70). С. 244–247.
4. Устав государственного бюджетного учреждения культуры Ростовской области «Раздорский этнографический музей-заповедник»: [Электронный ресурс]. URL: <https://museum-razdory.ru/kalinin/>.

5. Федеральный закон от 20.10.2022 г. № 402-ФЗ О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48445> (дата обращения: 18.07.2024 г.)

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ (интервью с респондентами)

1. N, 1929 г. р. Интервьюер: В. Н. Кальниченко. Место проведения: Ростовская обл., Семикаракорский р-н, г. Семикаракорск, 11.08.2024. 87 мин.
2. Горлова Татьяна Анатольевна, 1957 г. р. Интервьюер: В. Н. Кальниченко. Место проведения: Ростовская обл., ст. Раздорская, 28.07.2024. 60 мин.
3. Забазнова Агния Яковлевна, 1941 г. р. Интервьюер: В. Н. Кальниченко, Капканов. Место проведения: Ростовская обл., Цимлянский р-н, ст. Калининская, 30.10.2021. 50 мин.
4. Заславская Ольга Михайловна, 1930 г. р. Интервьюер: В. Н. Кальниченко. Место проведения: Ростовская обл., г. Семикаракорск, 10.07.2023. 89 мин.
5. Извощикова Вера Андреевна, 1942 г. р. Интервьюер: В. Н. Кальниченко. Место проведения: Ростовская обл., Багаевский р-н, ст. Манычская, 12.11.2023. 47 мин.
6. Кальниченко Юлия Васильевна, 1939 г. р. Интервьюер: В. Н. Кальниченко. Место проведения: Ростовская обл., Семикаракорский р-н, х. Маломечетной, 29.07.2024. 40 мин.
7. Костина Зинаида Петровна, 1946 г. р. Интервьюер: В. Н. Кальниченко, Смолякова, Павлова. Место проведения: Ростовская обл., Усть-Донецкий р-н, х. Коныгин, 22.11.2023. 82 мин.
8. Мерзлякова Людмила Михайловна, 1957 г. р. Интервьюер: В. Н. Кальниченко. Место проведения: Ростовская обл., Усть-Донецкий р-н, ст. Мелиховская, 19.08.2023. 50 мин.
9. Мерзлякова Людмила Михайловна, 1957 г. р. Интервьюер: В. Н. Кальниченко. Место проведения: Ростовская обл., Усть-Донецкий р-н, ст. Мелиховская, 20.10.2024. 40 мин.
10. Павлова Александра Ильинична, 1933 г. р. Интервьюер: Павлова. Место проведения: Ростовская обл., Усть-Донецкий р-н, х. Исаевский, 31.07.2024. 38 мин.
11. Панкратов Александр Федорович, 1953 г. р. Интервьюер: В. Н. Кальниченко. Место проведения: Ростовская обл., Семикаракорский р-н, г. Семикаракорск, 03.01.2022. 23 мин.

12. Хромых Сергей Михайлович, 1970 г. р. Интервьюер: В. Н. Кальниченко. Место проведения: Ростовская обл., Семикаракорский р-н, г. Семикаракорск, 01.02.2022. 79 мин.

Vladislav Kalnichenko

**INTANGIBLE OBJECTS OF CULTURAL HERITAGE
OF THE COSSACK POPULATION IN THE TERRITORY
OF THE LOWER DON:
PRESERVATION AND REPRODUCTION
OF TRADITIONS**

Abstract. This publication will consider the problem of preservation and reproduction of intangible cultural heritage on the example of the Lower Don. The theoretical and empirical experience accumulated by the scientific community currently allows us to identify potential objects of intangible cultural heritage, determine their localization and degree of transformation. In addition, the article describes the forms and methods of work of the Razdorsky Ethnographic Museum-Reserve for the preservation and reproduction of Cossack traditions of the rural population.

Key words: intangible cultural heritage objects, respondent, preservation, reproduction of traditions, Cossack population, Nizhny Don